

Оглавление

- Волконская М. А. Лексика охоты в романе «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь»: к вопросу о французских заимствованиях
- Диева Е.А. Эмфатическое употребление конструкции *vega að + Vinf* в современном исландском языке Эмфатическое употребление конструкции *vega að + Vinf* в современном исландском языке
- Доценко Д. В. Текстовая реализация древнеанглийского концепта GELEAFA/LEAFA/TREOW («ВЕРА»)
- Емельянова Э. В. Структура и поэтика древнеисландской формулы клятвы
- Ильина Т.А. Сочетания неличных форм глаголов *hâben*, *sîn* и *werden* в средневерхненемецком
- Куденко К. М. К вопросу контаминации древнеирландских *bith/beith*
- Кушнарченко Ю.В. Особенности языка и стиля шведской литературы для детей (на примере книги Ульфа Старка “*Min systers är en ängel*”)
- Мокин И. В. Продуктивные модели аффиксального словопроизводства в современном шведском языке
- Огнева А. А. Стилистические особенности речи Густава Васы на Вестеросском риксдаге в 1527 году.
- Павленко А.А. Взаимодействие общезыковой и саговой семантики конструкций с модально-перспективным значением
- Павленко О. А. Англо-шотландские лексико-семантические соответствия (общий подход к проблеме)
- Пиперски А. Ч. Отражение диссимиляции гласных по подъёму в восточносредненемецкой рукописи XIV века
- Попова И. С. Стилистические особенности публицистического стиля речи шведского языка на примере репортажа.
- Степченкова В. М. Стилистические черты жанра интервью в шведской газетной публицистике (на примере отдельной статьи)
- Сычева Н. М. Кельтский материал в лэ о Жимолости Марии Французской

**Лексика охоты в романе «Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь»:
к вопросу о французских заимствованиях**

Волконская Мария Андреевна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

К концу XIV в., времени написания «Сэра Гавейна и Зеленого Рыцаря», многие французские заимствования прочно вошли в английский язык. Популярность французских рыцарских романов привела к тому, что английские авторы стали использовать в своих произведениях куртуазную французскую лексику. Это верно и для «Сэра Гавейна». Но в то же время в этом романе есть слова с узкой сферой референции, необходимые для описания «антуража» эпохи, предметов и явлений рыцарской культуры: одежды, архитектуры, доспехов, этикета и охоты.

В мирное время охота была одним из основных времяпрепровождений феодала: не только развлечение, но и школа верховой езды, подготовка к войне, источник пропитания. Исторически складывается определенная терминология охоты (преимущественно французского происхождения), описывающая все ее тонкости, знание которой отличало знать от простолюдинов. Значение этой терминологии неоднократно подчеркивалось: «...все, связанное с охотой, “должно быть сделано и названо правильно, ибо верно произнесенные слова проистекают от знания, особенно с тех пор, как манера речи была установлена в соответствии с искусством охоты”» [Putter: 354–355]. Эта терминология нашла свое отражение как в специальной, так и в художественной литературе; первые английские учебники по искусству охоты были написаны по-латыни, в XIII в. распространение получили книги на французском языке, а с начала XV в., после появления трактата *The Master of Game* Эдуарда Нориджа – на английском.

Описаниям охоты посвящена третья часть «Сэра Гавейна», в которой хозяин замка Лорд Бертилак и Сэр Гавейн выполняют свой уговор обмениваться каждый вечер теми вещами, что были приобретены ими за день. Три раза Лорд выезжает на охоту (на оленя, вепря и лиса), трижды Гавейна искушает жена Лорда в замке. Среди терминов охоты, которые встречаются в поэме, можно выделить несколько групп:

1. Лексика, связанная с подачей охотничьих сигналов: bugle «охотничий рог» < стфр. bugle; mote «одна нота, издаваемая охотничьим рогом» < стфр. mot; prys, тип сигнала < стфр. prise, причастие прошедшего времени от prendre «брать, хватать»; rechate «подавать сигнал к сбору охотников» < стфр. rechater);

2. Лексика, связанная со строением и разделкой добычи: avanters «потроха оленя» < англо-норм. *avanter; boweles «кишки» < стфр. bo(u)el; brawen/brawne «мясо вепря» < стфр. brao(u)n; fourchez «ноги» < стфр. fo(u)rche; hastlettez «съедобные кишки» < стфр. hastelet; haunche «задняя нога оленя» < стфр. ha(u)nche; noumbles «потроха оленя» < стфр. no(u)mbles; раumez «широкая часть рогов лани» < стфр. раume; раunchez «отделы желудка жвачных» < англо-норм. ра(u)nche;

3. Лексика, связанная с традициями, приемами и техникой охоты: asay «проверка мяса» < стфр. essai; выражение corbeles fee «дань ворона» (хрящик, который традиционно оставляли воронам [Tolkien: 113]); gesayt, группы загонщиков, пытавшиеся убить оленей < стфр. receite; stablye «загонщики» < стфр. estable; trystor/tryster «группа охотников» < стфр. triste; rehayte «подбадривать собак» < стфр. rehait(i)er; обозначения требухи, которой кормили собак после разделки туши: quegré, потроха, собранные на освежеванной шкуре < стфр. cuir(i)ée от cuir «прятать»; gewarde, кормить потрохами, которые кидают на землю < англо-норм. rewarder;

4. Наименования собак, охотников, процесса охоты и т. п.: braches «собаки, ищейки» < стфр. brachet; kenet «маленькая собачка» < англо-норм. kenet, ср. стфр. chenet; titleres «сменные собаки» < стфр. title; cacheres «охотники» < англо-норм. cach(i)ere; chef (huntas) «главные (охотники)» < стфр. chief; chase «охота» < стфр. chase; chasyng «погоня, преследование» < стфр. chac(i)er; quest «преследование, травля» < стфр. queste.

С одной стороны, эти «termina technical» материальной культуры привлекают внимание читателя, отсылают его к точной детали и создают в его воображении конкретную картину. Употребление автором подобной денотативно обусловленной лексики указывает и на тот круг людей, на который ориентирован текст. Это слова-сигналы, за каждым из которых стоит точное понятие, предмет или действие из сферы, непонятной для непосвященных. С другой стороны, эта лексика выявляет принципы организации автором своего словаря, которые отличны от классического аллитерационного стиха. Так, например, в язык поэзии аллитерационного возрождения легко входили слова из непоэтических контекстов.

Примечательно, что в описаниях охоты преобладают исконная лексика и скандинавизмы, французские термины редки (напротив, диалоги Гавейна и Леди, происходящие в то же время в замке, построены на галлицизмах). В сценах охоты для автора важна прежде всего контрастность лексики, благодаря которой удается создать своего рода «переключки» между разными мирами романа – «внекультурным», диким, и «культурным», куртуазным. Лексика охоты употреблена здесь в своем прямом значении, но в то же время метафорически она отражает куртуазный мир, ту «охоту» на Гавейна, что ведет Леди в замке (так, уговаривая Гавейна принять ее подарок, она называет его *rewarde bi gesoun* «награда по праву» 1804, однако ср. 1610, 1918, где *rewarde* – термин охоты). Этот лексический параллелизм тесно связан с композицией и сюжетом всего романа в целом.

Литература

Putter A. The Ways and Words of the Hunt: Notes on Sir Gawain and the Green Knight, The Master of Game, Sir Tristrem, Pearl, and Saint Erkenwald // The Chaucer Review. 2006. Vol. 40, № 4. P. 15-38.

Sir Gawain and the Green Knight / Ed. by J.R.R. Tolkien and E.V. Gordon. Oxford, 1968.

Эмфатическое употребление конструкции *vera að + V_{inf}* в современном исландском языке

Диева Екатерина Алексеевна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова,
Москва, Россия

За последние десятилетия продолженная конструкция в исландском языке стала более употребительной. Частотность конструкции обусловила выход ее за рамки исконного значения – продолженного действия. Речь идет о так называемом эмфатическом употреблении конструкции *vera að + V_{inf}*.

Все примеры этого употребления в исландском языке можно разделить на четыре основные группы:

1. Предложения с отрицанием:

Ég er nú reyndar ekki að öskra Tumi... – Я вовсе не кричу, Туми [Grimsdóttir: 226].

Grímur minn ég er ekkert að reka á eftir þér en þú mátt nú ekki gleyma skólanum – Дорогой Гримур, не подумай, что я тебя опекаю, но ты не должен забывать об учебе [Guðmundsson: 271].

2. *Hvað* («что») + конструкция *vera að + V_{inf}*:

Hvað er hún að minna hann á þvott. Bölvadan þvott. Þetta er í rauninni allt þvottinum að kenna – Зачем она напоминает ему о белье? К черту эта стирка. Это она во всем виновата! [Grimsdóttir: 212]

Hvað ertu að hugsa að vera ekki búinn að klæða þig! – Как, ты еще не одет!? [Jónsson].

3. Конструкция *vera að + V_{inf}* с отрицанием в повелительном наклонении:

Vertu ekki að spyrja svona spurningar! – Не задавай таких вопросов! [Friðjónsson: 110]

Vertu ekki að hafa áhyggjur. Það er engin ástæða til þess – Не беспокойся, для этого нет никаких причин [Friðjónsson: 110].

4. Примеры без отрицания:

þú veist að þetta er frímerkjabók sem afi átti. Þetta eru verðmæt frímerki. Ég ætlaðist ekki til að þú værir að gefa þau – Ты же знаешь, что это альбом с марками моего дедушки. Это ценные марки. И я не хотела, чтобы ты их кому-нибудь давал [Guðmundsson: 99].

Исландские грамматисты Йоун Фридьонссон [Friðjónsson: 109] и Хёскульдур Трауинссон [Þráinsson: 495–496] особо выделяют это употребление, отмечая отсутствие в нем дуративного значения. Фридьонссон называет это значение *áherslumerking* («эмфатическое, усилительное значение») и отмечает, что оно, как правило, встречается в настоящем времени и в отрицательных предложениях. Таким образом, продолженная конструкция усиливает отрицание. Трауинссон называет это значение *háttarmerking* и также пишет о том, что оно сопутствует отрицанию (как, впрочем, и некоторым наречиям). Важно указание автора на то, что в этом значении с продолженной конструкцией часто употребляются глаголы состояния, которые обычно не употребляются с данной конструкцией:

**Hann er að búa í Reykjavík.*

Ho: Ég er þá ekkert að búa lengur í Reykjavík fyrst ég kemst ekki í borgarstjórn! – Я не собираюсь больше жить в Рейкьявике, раз мне не дают работу в мэрии [Grimsdóttir: 340].

**Þú ert að sofa á nóttunni.*

Ho: Þú ert ekki mikið að sofa á nóttunni! – Ты мало спишь ночью!

Также эмфатически с продолженной конструкцией могут употребляться неопределенные глаголы, которые обычно с этой конструкцией имеют значение продолженного действия:

а) Дуративное значение: *Ásgrímur var að lesa í námsbókunum* – Аусгримур читал учебники.

б) Эмфатическое значение: *Ásgrímur var ekki mikið að lesa í námsbókunum!* – Аусгримур плохо читал учебники.

С одной стороны, можно предположить, что свойственное неопределенным глаголам дуративное значение присутствует и при эмфатическом употреблении. Оба предложения *Ásgrímur var að lesa í námsbókunum* и *Ásgrímur var ekki mikið að lesa í námsbókunum!* содержат неопределенный глагол *lesa* «читать», который обозначает процесс и в первом, и во втором предложении. Однако, во втором предложении очевидно, что говорящий делает акцент не на процессе или продолженности действия, а на его результате. В какой-то степени можно сказать, что в этом значении продолженная форма сближается с перфектом. Приведем еще один пример: *Ég er ekki að ímynda mér neitt* (Я ничего не воображаю). Предложение содержит глагол *ímynda* «представлять, воображать», который является неопределенным, но на первый план говорящий выдвигает отрицание факта надуманности, нереальности сказанного, а продолженное значение в предложении отсутствует.

Следует отметить, что предложения с неопределенными глаголами не всегда однозначны. В некоторых эмфатических употреблениях присутствует и значение процессуальности, как, например: *Vertu ekki að tala um þetta!* (Не говори об этом! / Перестань говорить об этом!). Тем не менее, носители языка выделяют здесь прежде всего эмфазу – акцент на намеренности действия, решении субъекта – еще одно значение, которое часто присутствует при эмфатическом употреблении. В таком предложении, как *Hann var ekki að hjálpa mér mikið* (Он не очень помог / помогал мне), акцент делается не на процессе, а на результате и на нежелании субъекта помочь. Оттенок намеренности субъекта присутствует и в таких примерах, как:

Vertu ekki að horfa á mig! – Не смотри на меня! [Grimsdóttir: 67]

Vertu ekki að sitja svona í allan daginn! – Не сиди так целыми днями! [Bergsson: 15]

Подводя итоги, можно сказать, что эмфатическое употребление в исландском языке превращает имперфектив в перфектив. Действие или ситуация представляется как

целое, сжимается его временная структура и основной акцент переносится на намеренность субъекта.

Литература

Bergsson G. Svanurinn. Reykjavík, 1992.

Friðjónsson J. Samsettar myndir sagna. Reykjavík, 1989.

Grimsdóttir V. Kaldaljós. Reykjavík, 1987.

Guðmundsson E. M. Englar alheimsins. Reykjavík, 1993.

Jónsson J. H. *Orðastaður* – orðabók um íslenska málnotkun.. Reykjavík, 2001.

Þráinsson H. Íslensk tunga.3, Setningar: handbók um setningafræði. Reykjavík, 2005.

Текстовая реализация древнеанглийского концепта *geleafa / leafa / treow* (вера)

Доценко Дмитрий Васильевич

Соискатель, филиал Красноярского государственного педагогического университета имени В.П. Астафьева, Железногорск, Россия

С позиций когнитивной лингвистики язык предстает системой, обладающей своей структурой, перерабатывающей внешние для сознания впечатления в смыслы, которые находят свое выражение и закрепляются в знаковой среде. Речь и речевая деятельность рассматриваются в преломлении национально-культурной специфики и с учетом национально-культурной составляющей дискурса.

Невыясненным остается вопрос о соотношении статического и динамического в характере концептуальных образований. Е.С. Кубрякова определяет концептуальную систему как динамическое образование, которое «постоянно находится в состоянии развития и оперативной подвижности» [Кубрякова: 169]. С другой стороны, Е.Я. Режабек указывает, что «в поведении общественного человека традиция перевешивает инновацию», что «коллективный опыт может быть только прошлым по отношению к использованию его индивидом» [Режабек: 25].

Сознание средневекового человека по структуре находится как бы на переходе от первобытного мышления с его мифологической составляющей и современным логическим, понятийным мышлением. «Вся история мифа – это история «редукции» фидейного сознания под натиском рационально-логического мышления» [Никитин: 57]. Мифологическое мышление представляется особым видом мироощущения, которое включает в себя чувственное, образное понимание природных феноменов и фактов общественной жизни.

Усвоение новой христианской религиозной и культурной традиции не могло не привести к изменению традиционной для североевропейского региона языческой мировоззренческой парадигмы. Этот сложный процесс должен был занять много времени, и целые поколения людей жили в обстановке сосуществования мировоззренческих установок язычества и христианства. Характер такого взаимодействия следует искать в зафиксированном в письменных памятниках корпусе языческой лексики, репрезентирующей «старые» концепты. В эпоху христианизации происходит вытеснение из языка исконных слов, связанных с реалиями языческого культа. Тем не менее, многое из старого сакрального и мировоззренческого словника стало частью новой терминологической системы, подвергшись переосмыслению [Ганина: 5].

Анализ слов со значением «верить», «вера» с использованием словаря М.М. Маковского позволяет предположить, что в основе осмысления и номинации веры древним мышлением лежит физическое действие, а именно, принесение жертвы объекту поклонения, в качестве которого выступает то или иное сверхъестественное существо [Маковский: 71].

Принимая во внимание данные лексикографических источников, можно констатировать, что в эпоху общегерманской общности и ранний период пребывания союза западногерманских племен в Британии вера, будучи сложным эмоционально окрашенным этическим феноменом (телеономным концептом по С.Г. Воркачеву)

осмысливалась, в первую очередь, через связанные с ней ритуальные действия, т.е. физические манифестации веры. Дальнейшее развитие комплекса признаков концепта *geleafa / leafa / treow* определяется столкновением между первоначальным языческим комплексом мировоззренческих установок и христианской религиозной парадигмой.

Лексема *geleafa* является одной из основных для наименования концепта *geleafa / leafa / treow*, что подтверждается как зафиксированной частотой их употреблений и сочетаемостью, так и наличием большого количества производных лексем, формирующих основную часть лексико-семантического поля «*вера*» в древнеанглийский период.

Словари фиксируют значения *geleafa*: 1) the mental action, condition, or habit of trusting to a person or thing, trust, faith: *Gif we willaþ on Drihten gelyfan . . . we sceolon þone geleafan mid godum daeligdum gefyllan*; если мы желаем верить в Господа, . . . мы должны веру ту благом каждый день наполнять. В данном контексте вера предстает сосудом, который необходимо наполнить. Элементом содержания концепта является признак – контейнер. 1a) belief in God, Christian faith: *Se rihta geleafa us tæcþ, ðæt we sceolon gelyfan on ðone Halgan Gast*; истинная вера учит нас, что мы должны уверовать в Духа Святого. Данный контекст актуализирует имплицитный признак – одушевленность. Специфическим проявлением этого признака можно считать наделение концепта солярными характеристиками: *Dæges or onwoc leohtes geleafan*; начало восстало светлой веры. Наличие слова *leoht*, актуализирующего признак источник света, позволяет говорить об аттракции древнеанглийских концептов *вера, свет и красота*.

2) Mental acceptance of a statement or fact: *Ic hæbbe me fæstne geleafan up to ðam ælmihtegan Gode*; я имею твердую веру во всемогущего Бога. В данном контексте присутствует определение *fæst* (прочный), что актуализирует вещественный признак концепта. В другом контексте представлено сочетание существительного *geleafa* и глагола *niman*: *Heo geleafan nom þæt he þa bysene from Gode brungen hæfde*; поверила она (букв. «взяла веру»), что он повеления от Бога принес. Вера, будучи результатом сложной психоэмоциональной деятельности человека, осмысливается древним сознанием через физические действия.

3) What is believed, the proposition or set of propositions held true; the doctrines of a religious system: *Nu we wyllaþ secgan eow ðone geleafan ðe on ðam credan stent*; теперь расскажем мы тебе о вере, что есть (букв. «стоит») в том учении. Наряду с другими контекстами, данный иллюстрирует тенденцию осмысления веры древним сознанием через обыденные действия и окружающие предметы.

Литература

Ганина Т.А. Готская языческая лексика. М., 2001.

Кубрякова Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. М., 1988.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб, 1996.

Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996.

Режабек Е.Я. Мифомышление (когнитивный анализ). М., 2003.

Структура и поэтика древнеисландской формулы клятвы

Емельянова Эния Викторовна

Соискатель, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

Отношения, которые устанавливались между исландцами века саг в ходе принесения клятвы, освящались ритуальными действиями, в том числе и произнесением особых формул. Одна из формул клятвы о мире представлена в «Саге о Греттире». Аллитерация в подобных текстах, как и в других протостиховых формах (рунических надписях), является факультативной; с ее помощью такие тексты членятся на цепочки формул различной длины [Смирницкая 1994: 175]. О.А.Смирницкая отмечает, что

факультативная аллитерация «не имеет структурной функции, т. е. не образует правильной схемы, выделяющей одни слова за счет других в соответствии с грамматическими классами. «Все назначение аллитерации в рунических формулах состоит в дополнительном экспрессивном выделении формульных слов... Она может пронизывать всю надпись или выделять в ней отдельные звенья различной длины» [Смирницкая 1994: 143].

Начало формулы клятвы содержит информацию о том, какие обязательства берут на себя участники, и называет самих участников. Это и есть текст заверения клятвы:

Hér set ég gríð allra **manna** á **millum**, einkanlega þeim sama Gestu til nefndum er hér situr, og að **undir skildum öllum goðorðmönnum og gildum bændum**... handsöllum gríð og fullan frið komumanni hinum ókunna, er Gestur nefnist, til **gamans, glímu og gleði** allrar, til **hervistar og heimsferðar**... [Íslendiga sögur 1987: 1065] ‘Здесь я устанавливаю мир между всеми людьми, в особенности между тем, кто называется Гестом и присутствует здесь, и всеми, кто под щитом: годи и состоятельными бондами... Передаем право на мир и полную безопасность пришельцу-чужанину, который зовется Гест, для увеселений, состязаний и всякого рода развлечений при пребывании здесь и на пути домой’...

В одной из формульных цепочек, выделенных аллитерацией, аллитерация звука **g** осложнена повторяющимся следующим за ним **-l-** (til **gamans, glímu og gleði** allrar ‘для увеселений, состязаний и всякого рода развлечений’). Ср. созвучие нескольких начальных звуков в древнегерманских заговорах [Топорова 1996: 106].

Затем еще раз называются участники договора:

Set eg þessi gríð fyrir oss og vora frændur,/ vini og venslamenn,/ svo **konur sem karla, þújar og þræla, sveina og sjálfráða menn** [Íslendiga sögur 1987: 1065] ‘Устанавливаю я этот мир от нашего имени и от имени наших родственников: наших друзей и свойственников,/ как от имени женщин, так и от имени мужчин,/ рабынь и рабов,/ отроков и совершеннолетних’.

При этом образуется четыре семантические пары: слова, характеризующие обозначаемых ими людей по социальным отношениям (друзья и свойственники), противопоставляющие их по половому признаку (мужчины и женщины, рабы и рабыни) и по возрастному признаку (отроки и совершеннолетние). Внутри каждой строки аллитерация выделяет по два слова, как и в непарной строке эддического льодахатта. Это перечисление не несет новой информации, поскольку участники договора уже названы в предыдущем отрывке. Ритмически организованное и обособленное благодаря наличию четких аллитерационных схем, оно подкрепляет текст заверения и, таким образом, играет роль заклинания. По форме оно напоминает эддический гальдралаг (разновидность льодахатта, усиленная за счет повтора непарной строки). Интересно, что гальдралаг также используется в формульных текстах, например в эддических проклятиях [Смирницкая 1993: 264].

Далее следует проклятие клятвopеступнику:

Sé sá gríðníðingur er gríðin ryfur eða tryggðum spillir, rækur og rekkinn frá guði og góðum mönnum, úr himinríki og frá öllum helgi mönnum og hvergi hæfur manna í milli, og svo frá öllum út flæmdur sem víðast varga reka eða kristnir menn kirkjum sækja... skip skríður, skildir blikar, sól skín, snæ leggur, Finnur skríður, fura vex, valur flýgur vorlangan dag... [Íslendiga sögur 1987: 1066] ‘Тот же клятвopеступник, который нарушит мир или преступит клятву, да будет отвержен и изгнан Богом и добропорядочными людьми из Царства Небесного, и всеми святыми, и нет ему места среди людей, и каждым гоним будет повсюду, как везде изгнанников гонят, где христиане в церковь приходят... корабль идет, щиты сверкают, солнце сияет, снегом застилает, саам на лыжах бежит, сосна растет, сокол летает долгим весенним днем’...

Некоторые формульные цепочки связаны аллитерацией и плавно перетекают друг в друга. Интересны случаи, когда исландцы века саг прибегают к проклятиям в различных жизненных ситуациях:

En þér ærðust allir og yrðuð að gjalti eftir á vegum úti með villidyrum...[Íslendinga sögur 1987: 1875] ‘Все вы помешаетесь и будете бродить по тропам вместе с дикими зверями’...

En ef nokkurir koma eigi þá skal þeim reisa níð með þeim formála að hann skal vera hvers manns níðingur og vera hvergi í samlagi góðra manna, hafa goða gremi gríðníðings nafn [Íslendinga sögur 1987: 1884] ‘А если кто не придет (на поединок), то будет ему хула с проклятием, чтобы он был всех людей ничтожнее, и не был в обществе добрых мужей никоим образом, и будет ему гнев богов’.

Обе реплики – из саги О людях с Озерной долины. Первая – предсмертное проклятие, которым отвечает старуха Льот своим убийцам. Вторая входит в состав оскорбляющей реплики, которую некий Йокулль адресует противникам, вызвавшим его на поединок. Оба фрагмента содержат формулы, близкие к проклятиям в составе клятв о мире, также с факультативной аллитерацией. Все это свидетельствует о нерасчлененности правого и поэтического языка, об укорененности таких формул в сознании исландцев века саг, что дает возможность прибегать к ним в различных ситуациях: как правовых, так и бытовых.

Литература

Смирницкая О. А. «Речи Гримнира» на эддической сцене // От мифа к литературе. М., 1993.

Смирницкая О. А. Стих и язык древнегерманской поэзии. М., 1994.

Топорова Т. В. Язык и стиль древнегерманских заговоров. М., 1996.

Сочетания неличных форм глаголов *hâben*, *sîn* и *werden* в средневерхненемецком

Ильина Татьяна Александровна

Аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

Глаголы *hâben*, *werden* и *sîn* во всех периодах истории немецкого языка сочетаются с различными видами причастий (I + II) и с инфинитивом. В средневерхненемецком сохраняются все старые именные формы глагола, которые были характерны для древневерхненемецкого периода. Характер этих сочетаний и их функционирование в предложении в средневерхненемецком разнообразен.

Многие исследователи выделяют четыре неличные формы глагола:

1) Причастие настоящего времени; 2) Причастие прошедшего времени; 3) Инфинитив; 4) Герундий.

Сочетания с причастием I характерны для всех глаголов, но доминируют, прежде всего, конструкции с глаголом *sîn*. Данное причастие имеет активное значение. Его можно иногда переводить с помощью страдательного залога: *windende hende* (Hände, die gewunden sind). Также оно может употребляться в футуральных или претеритальных предложениях. Возможна его субстантивация [Paul: 195-196]:

1) *Ez habent fiande di lieben herren min* (N, 1558) – Мои дорогие суверен имеют врагов; 2) *Jâ wil in âne sorge vor allen wîganden sîn* (N, 61) – У меня не будет проблем со всеми воинами.

Процесс субстантивации замечен еще в древневерхненемецком, когда считалось, что существительные, оканчивающиеся на *-nt*, склоняются так же, как и причастия. К таким существительным относят *vîent*, *heilant*, *wîgant* и *vâlant*.

В сочетаниях с переходными глаголами причастие II используется как прилагательное в предикативной или атрибутивной функции [Mettke: 180]:

3) *Des er dâ hat gedingen, daz wirdet allez getân* (N, 386) – То, что он задумал, все исполнится; 4) *Uns ist in alten maeren wunders vil geseit* (N, 1) – Нам много в старых сказках рассказывают чудес.

Причастие в этих случаях служит в сочетании с *werden* для выражения отсутствующих презенса и претерита страдательного залога, в сочетании с *sîn* – для перфекта и плюсквамперфекта пассива.

Причастие прошедшего времени *непереходных глаголов*, которые обозначают деятельность и связаны с дательным или родительным падежами, либо без падежного дополнения, могут быть близки безличному пассиву. Отдельно стоит такой пассив от переходных глаголов.

5) *Ez ist ouch niemen leide von minen schulden hi geschehen* (N, 1568) – Никому не случится печалиться здесь по моей вине.

Сочетания с инфинитивом чаще выступают в функции именительного или винительного падежа. Но инфинитив может склоняться в родительном и дательном падежах. Эту форму называют герундием.

Относительно герундия следует заметить, что наряду со старой формой суффикса *-enn-* появляется и новая – *-end-*, омонимичная с суффиксом партиципа I [Зиндер, Строева: 175]:

6) *Daz was liep ce saehene Gunthers und Sifrides man* (N, 794) – На это с удовольствием смотрели люди Гюнтера и Зигфрида.

Инфинитив используется после вспомогательных глаголов *darf, kan, mac, sol, wil*:

7) *Ir sult uns wesen willekomen* (N, 126) – Вы должны к нам быть приглашенными; 8) *Ir muezet mine geste vride lazen han* (N, 1897) – Вам следует оставить моих гостей в покое.

Инфинитив может субстантивироваться:

9) *Ein jâmerlîchez scheiden wart dô dâ getân* (N, 1070) – Горестно там расставались;

10) *Dâ wart vil michel weinen von vriunden getân* (N, 1285) – Очень много плача было слышно от друзей.

Для средневерхненемецкого периода были характерны конструкции с предлогом *ze*:

11) *Er ist ouch wol so rîche, daz ich ce geben han* (N, 1260) – Он также так богат, что я могу отдавать.

В некоторых случаях в средневерхненемецком инфинитив стоит без предлога *zu* после таких глаголов, как *beginnen, biten, waenen* и ряда других:

12) *Unde bat di ellenden groze willekomen sin* (N, 1812) – И пригласил чужаков быть охотно принятыми при дворе.

В средневерхненемецком периоде появляется конструкция «*werden* + инфинитив» рядом со старой конструкцией «*werden* + причастие I». Правда, чаще это происходило в прошедшем времени. Для настоящего времени примеры крайне скудны. Позднее эта форма вытесняет старый оборот [Филичева: 187-189].

Глагол *werden*, связанный с инфинитивом, обозначал не будущее время, как в современном немецком языке, а момент вступления в действие. Уже начиная с ранних периодов развития немецкого языка, сочетания модальных глаголов *sculan (soln)* и *wellen* с инфинитивом могли указывать на то, что событие относится к будущему, и это средство часто применялось немецкими переводчиками при передаче латинского футурума. Однако указанные глаголы всегда сохраняли свойственное им лексическое значение, хотя в средневерхненемецкий период в ряде случаев оно и было значительно ослаблено, в особенности у глагола *wellen*.

В «Песне о Нибелунгах» таких примеров очень много, в особенности с глаголом *soln*:

13) *Wie möhte mannes kebse werden immer küniges wîp* (N, 839) – Как хотела бы наложница стать навсегда женой короля.

Кроме того, в сочетаниях с модальными глаголами появляется инфинитив II (или перфектный инфинитив), причем весь оборот приобретает футуральное значение, например:

14) *Dô solt man uns gesidelet haben nâher an den Rîn* (N, 968) – Тогда нам следует поселиться поближе к Рейну.

Перфективный инфинитив используется, если необходимо подчеркнуть законченность действия в будущем [Зиндер, Строева: 174].

В средневерхненемецком периоде существовали все именные формы глагола, которые были характерны для древневерхненемецкого. Каждая из них выполняла свои функции в предложении. Сформировалась форма, выражающая будущее время. Все чаще стал появляться инфинитив II, и примеров с этой структурой в «Песне о Нибелунгах» встречается очень много.

Литература

Зиндер Л.Р., Строева Т.В. Историческая морфология немецкого языка. Л., 1968.

Филичева Н.И. История немецкого языка. М., 1959.

Mettke H. *Mittelhochdeutsche Grammatik. Laut- und Formenlehre.* Leipzig, 1970.

Paul H. *Mittelhochdeutsche Grammatik.* Halle (Saale), 1953.

К вопросу контаминации древнеирландских *bith* / *beith*

Куденко Ксения Михайловна

Студентка Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия

Языки кельтской группы, характеризующиеся переходом и.-е. $*g^w-$ > *b-* в анлауте, дают нам коррелирующие друг с другом дериваты от и.-е. $*g^weih_3-$ ‘жить’. Ср. др.-ирл. *bith*, валл. *byd*, брет. *bed*. Все три лексемы имеют не только общую этимологию от пракеельтского $*bitu-$, но и совпадают семантически. Основным их денотатом является ‘наш мир, мир живых, белый свет’, противопоставленный в тернарной оппозиции миру мертвых (< и.-е. $*d^heub-$ ‘глубокий’, валл. *Annw(f)n*, < и.-е. $*mer-$ ‘умирать’, брет. *marv*) и небесному миру (< и.-е. $*H_2elb^ho-$ ‘белый’, валл. *elfydd*) [Калыгин: 55-58]. Лексемы обладают нейтральным, немаркированным значением и потому широко употребляемы. Встречаются они в перифрастических конструкциях, появившихся по причине эвфемизации «опасного» понятия ‘иного мира’ (брет. *ar bed all*; др.-ирл. *bith aile*), в устойчивых выражениях: ср. др.-ирл. *fon mbith* ‘во всем мире’, *for bith*, *ar bith* ‘любой’, совр. ирл. *scor ar bith* ‘во всяком случае’.

В древнеирландском языке развитие семантики *bith* привело к появлению факультативных значений. Лексема начинает обозначать не только материальный мир, но и темпоральный (ср. *is dia bendachthe isna bithu*, gl. *benedictus in secula*; *tria bithu na mbetha* ‘во веки веков’), а вследствие метонимии также – ‘mankind, people’ (ср. *fir betha* ‘люди, все’, букв. ‘мужи мира’ (похожее развитие во фр. *tout le monde* ‘все’, букв. ‘весь мир’) [DIL: 74].

Еще одним дериватом от $*g^weih_3-$ становится *bethu* ‘жизнь’, с которым слово *bith*, имплицитно несущее значение ‘существование, жизнь’, контаминирует в текстах и довольно свободно варьируется. Ср.:

Sirechtach dâl in bith ce - ‘скорбная доля – это жизнь’ [ALD: 211].

В случае древнеирландского языка интересным оказывается еще и тот факт, что наряду с *bith* < и.-е. $*g^weih_3-$ существовало другое слово, схожее с *bith* как планом выражения, так и планом содержания. Своеобразным фонематическим, графическим и семантическим «двойником» становится лексема *buith/beith* ‘бытие’, очевидное, на первый взгляд, родство которой с *bith-bethu* обманчиво, поскольку на самом деле *buith* является отглагольным существительным от *attá* ‘быть’ и возводится, таким образом, к и.-е. корню $*b^heuh_2-$ ‘появляться’, равно как валл. *bod*, лит. *būvis* ‘существование’.

В текстах *buith* зачастую принимало вид *bith*, и понять, когда имеется в виду *bith*¹ < *bith* (m) < $*g^weih_3-$, а когда *bith*² < *buith* (f) < $*b^heuh_2-$ можно далеко не всегда. Ср.

Tri lochtaí Con Culaind: a bith rocc <...> et a biith rodanai, roaloinde – ‘Три недостатка Кухулина: он был слишком молод, он был слишком смел, слишком красив’ [Meyer: 230].

Отнести этот случай появления фактически одной словоформы **bith* из двух разных индоевропейских корней (по причине анлаутного перехода **g^w- > b-*) к простой омонимии мешает смежность значений ‘жизнь’ (*bith¹*) и ‘бытие’ (*bith²*), которая препятствует их различению исключительно в зависимости от контекста. Анализ прилагательных при *bith* в примере выше оказывается бесполезен, т. к. прилагательные мужского и женского родов в Nom.Sg. – омоформы. В атрибуции отдельной лексемы помогает анализ синтагмы: логично, что отглагольное существительное *bith²* чаще всего употребляется в функции предиката при общем стремлении ирландского языка к выражению сказуемого субстантивными конструкциями. Ср.

совр. ирл. *táim i mo shuí* ‘я сижу’, букв. ‘есть я в моем сидении’;

др.-ирл. *buith domsa in iriss* ‘я верующий’, букв. ‘бытие на мне веры’;

cosmail mo bith ‘кажется, будто бы я...’, букв. ‘словно мое бытие’;

son bith for usci 7 bargin ‘чтобы был на воде и хлебе’, букв. ‘для жизни (бытия) на воде и хлебе’ [DIL: 91].

Таким образом, *bith²* функционирует в качестве глагола-связки ‘быть’, причем, как кажется, не только в индикативе. Ср. императивное употребление в поэтических строках, наряду с формами глагола *téit* ‘идти’ в соответствующем наклонении:

Sét no tiag, téiti Críst; / crích i mbéo, bith cen trist – ‘В путь иди, пусть идет Христос, / граница в жизни, будь без проклятия’ [Сухачев: 17].

Сближается *b(u)ith* по смыслу и с субъюнктивом:

iar feis fri caindlib sorchuib, bith i ndorchuib derthaige – ‘после праздника при сияющих свечах, быть [мне] (букв. ‘бытие’) в темной часовне’ [Сухачев: 25].

У *bith¹* таких вариантов не находится, и сочетания с предлогом переводятся соответственно:

cach breis for bith chē ‘каждая польза этого мира’ [DIL: 83];

Is recht in bith ce ‘есть закон в этом мире (в этой жизни)’ [Сухачев: 69].

Кроме того, из-за развития темпорального аспекта, скрытого в семантике слова, в древнеирландском языке *bith¹* начал употребляться в качестве префикса со значением ‘вечный, постоянный’. Его популярность в качестве усилительной или аллитерирующей приставки привела к появлению выражений типа *bith bidbethu* (gl. *vita aeterna*), в которых дистрибуция *bith¹* и *bith²* в принципе была не ясна, возможно, и самим глоссаторам.

В современном ирландском языке, где нейтральным словом для обозначения понятия ‘мир’ стал дериват от и.-е. **d^heub-*, *domun*, а *beith* продолжает функционировать как отглагольное существительное, нам встречаются два префикса: *bith¹*- со значением ‘вечный, постоянный’ (напр., *bithghlas* ‘вечнозеленый’) и *bith²*-, переводимый как ‘био-’ (напр., *bithcheimiceach* ‘биохимический’). Учитывая, что греч. *bios*, как и *bith¹*, восходит к и.-е. **g^weiH₃-* ‘жить’, подобный выбор префикса для передачи понятия ‘био-’ с точки зрения этимологии оказывается совершенно верным.

Литература

Калыгин В.П. Выражение понятия «мир» в древних кельтских языках // Известия АН. Серия литература и язык. Т. 55. № 2. М., 1996. С. 55-58.

Сухачев Н.Л. Филиды и барды. Из древней ирландской поэзии VI-XII вв. СПб., 2007.

[ALD] – Aided Lugaid 7 Derbforgaile // Ériu. Vol. V. 1911. P. 211.

[DIL] – Dictionary of the Irish Language Compact Edition. Dublin, 1990.

Meyer K. Tochmarc Emire la Coinculaind // Zeitschrift für celtische Philologie. V. 3. 1901. P. 229-263.

**Особенности языка и стиля шведской литературы для детей (на примере книги
Ульфа Старка “Min syster är en ängel”)**

Кушнаренко Юлия Валерьевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия

В Швеции всегда было серьезное отношение к детской литературе. Шведы считают, что не существует вопросов неприличных и неуместных. С детьми общаются как с равными, обсуждают все интересующие их темы. В России же не говорят с ними о том, на что наложено негласное табу.

Однако и шведы, и русские уверены, что писать для детей и взрослых надо по-разному. В.Г. Белинский отмечал, что дети «хотят в вас видеть друга, а не наставника, требуют от вас наслаждения, а не скуки, рассказов, а не поучений» [Белинский: 12]. Перед детским писателем стоит трудная задача, поскольку ему надо мысленно вернуться в детство, вспомнить собственный читательский опыт, облечь повествование в увлекательную форму и создать в целом полезную и поучительную книгу. Таким образом, детская литература выполняет развлекательную, познавательную и воспитательную функции.

Соединить все эти задачи в одной книге, адресованной самым маленьким читателям, нелегко, ведь у детей небогатый читательский опыт, и они порой рассматривают картинки, не обращая внимания на чтение родителя. Научно доказано, что комбинирование зрительных и слуховых образов способствует наиболее полному усвоению информации. Следовательно, лучшее издание для неопытного читателя – популярная в Швеции книжка-картинка. Иллюстрации в книге важны, т. к. они помогают юному читателю осмыслить сюжет.

Одной из таких книг является «Моя сестренка – ангел», изданная в 1996 г. Язык произведения простой и доступный, т. к. оно предназначено для дошкольников. Автор помещает своих героев в 1960-ые годы (пора его детства), начиная повествование с традиционного зачина: *En dag* – «однажды». Писатель использует обстоятельства времени *en eftermiddag* – однажды днем, *den kvällen* – тем же вечером, *imorgon* – завтра, чтобы читатель лучше ориентировался во временном пространстве книги. Другими словами-связками в тексте являются наречия времени (*då* – тогда, *ibland* – иногда, *nu* – сейчас) и места *där* – там, лексические повторы, личные местоимения и союзы *men* – «но» и *och* – «и».

Помимо этого, чтобы облегчить понимание на уровне графики, автор использует фонетический принцип письма. Наряду с орфографически правильным написанием личных местоимений *dig* (*du* – «ты» в косвенном падеже) и *dem* – «их» встречаются допустимые в детской литературе формы *dej* и *dom*. Названия фильмов, книг, магазинов даются прописными буквами (BAMBI – «Бемби», TIMGRENS LIVS (medelsaffär) – «Продуктовый магазин Тимгрена»), т. к. если по правилам русской орфографии подобные названия заключают в кавычки, то шведы предпочитают курсив, который не всегда понятен детям.

За исключением таких названий, которые порой неизвестны современным дошкольникам (IVANHOE – «Айвенго»), при чтении не возникает затруднений. Нейтральная лексика составляет 95%, ведь обилие жаргонизмов нежелательно в детской литературе, а поэтизмы и архаизмы непонятны юным читателям. Однако в тексте встречается ругательство *för fan* – черт побери! и характерные для детской речи уменьшительно-ласкательные существительные *tant* – тетушка, тетья (не о родственнице) и *syrra* – сестренка.

Желая облегчить юным читателям восприятие текста, Ульф Старк избегает чересчур длинных периодов: среднее количество слов в одном предложении составляет 9,3. Ларс Мелин в книге «Анализировать текст» пишет, что это число для детской литературы примерно равно 12 [Melin, Lange: 48]. Видимо, на книжку-картинку это не

распространяется. Нередко облегчить структуру предложения, благодаря своей емкости, позволяют композиты, составляющие 8,32% от числа всех существительных. Их употребление позволяет избежать описательных конструкций. Почти все композиты детерминативные, в которых один компонент главный, а второй обозначает материал (*läderfåtölj* – кожаное кресло), назначение (*matsal* – столовая, букв. зал для еды), время (*aftonbön* – вечерняя молитва), место (*fickspegel* – карманное зеркальце) и др.

Но представить себе художественное произведение без разнообразия синтаксических конструкций невозможно. Именно благодаря чтению ребенок знакомится с литературной нормой. В книге «*Min syster är en ängel*» может стоять до двух придаточных в одном графическом предложении: *Hon tittade mot tallarna som om hon väntade att flickan skulle komma in genom verandadörren.* – Она смотрела на сосны, словно ждала, что в дверь с веранды войдет девочка.

И конечно, для создания ярких образов, столь неожиданных и удивительных для маленьких читателей, писателю необходимы стилистические фигуры. В книге, например, можно выделить градацию (*Ett par grodfötter av gummi, ett riktigt svärd att fäktas med, en peruk med långt, gult hår...* – герой, погрузившись в мир грез, представляет, как будет плавать в ластах, биться мечом, наденет парик и т. д.), параллелизм: *Vi kastade...Och den sprang...Vi brottades...Och den slickade...* – «Мы кидали... И она бежала... Мы боролись... И она лизала...», противопоставление: *...det inte var mej själv jag tänkte på, utan på min döda syster...* – «Я думал не о себе самом, а о моей умершей сестре...» и сравнение: *håret lyste som en gloria* – «волосы сияли, как нимб».

Таким образом, Ульф Старк адаптирует язык на всех уровнях (графики, фонетики, композиции, лексики и стилистики), чтобы ребенок действительно наслаждался процессом чтения. И оставаясь верным традициям шведской литературы для детей, автор освещает актуальные проблемы современности (взаимоотношения учителя и учеников, жизнь пенсионеров в домах престарелых, трансвестизм). Главный герой книги размышляет о Боге и смерти, для него важнейшие ценности – доброта и любовь. Следовательно, и на тематическом уровне проявляется высокая художественность этого произведения.

Литература

Белинский В.Г. Собрание сочинений: В 9 т. М., 1978. Т. 3.

Melin L., Lange S. Att analysera text: stilanalys med exempel / Studentlitteratur AB, 1995.

Продуктивные модели аффиксального словопроизводства в современном шведском языке

Мокин Игорь Викторович

Аспирант Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

Современный шведский язык демонстрирует значительное разнообразие словообразовательных средств; в пополнении его лексики наряду со словосложением важную роль играет словопроизводство. При аффиксальном словопроизводстве используется ряд словообразовательных моделей как исконно шведского, так и иноязычного происхождения, обладающих разной степенью продуктивности – от неограниченной до строго ограниченной.

Неограниченная продуктивность имеет место в случаях, когда порождению новых слов не препятствуют ни правила сочетаемости аффикса с различными производящими основами, ни функционально-семантическая характеристика производных слов. Ограниченная продуктивность наблюдается в тех случаях, когда модель используется в сочетании только с определенным классом основ, например, с заимствованиями, и / или когда все образованные по этой модели новые слова принадлежат к какому-либо функционально ограниченному пласту лексики, например, сленгу.

Таким образом, модели с неограниченной продуктивностью образуют ядро словообразовательной системы, а модели с ограниченной продуктивностью – ее периферию, поскольку они заполняют лингвистические лакуны только на конкретном участке языковой системы.

Продуктивные модели аффиксального словопроизводства в современном шведском языке можно разделить на три группы (в качестве примеров использования моделей приводятся частотные неологизмы):

1. Модели с неограниченной продуктивностью:

- Словообразовательные гнезда вида «имя деятеля с суффиксом *-are* – имя действия с суффиксом *-(n)ing*» (*bloggare* «блогер» – *bloggning* «ведение блога»);
- Существительные со значением лица, принадлежащего к некоему классу, с суффиксом *-are* (*förortare* «житель пригорода»);
- Качественные прилагательные на *-ig* (*uckig* разг. «плохой»);
- Глаголы с префиксом обратного действия *av-* (*avprogrammera* тех. «отменять программу»).

В эту группу входят как исконно шведские (с суффиксом *-(n)ing* и префиксом *av-*), так и ассимилированные заимствованные модели (с суффиксами *-are* и *-ig*). Продуктивность последних ввиду их адаптированности к системе практически не зависит от лексических заимствований.

У данных моделей имеются исторически сформировавшееся ядро словообразовательной сочетаемости и ее периферия. Критерием разделения на ядро и периферию служит, как правило, частеречная принадлежность производящей основы. Роль периферии при этом сводится к созданию отдельных единиц, не ведущих к возникновению новых словообразовательных процессов. Разделение наблюдается и с функциональной точки зрения: ядро множества новых слов, образуемых по данным моделям, относится к стилистически нейтральной лексике, а периферия этого множества – к стилистически окрашенной.

2. Модели с относительно ограниченной продуктивностью:

- Словообразовательные гнезда вида «каузативный глагол с суффиксами *-er-* / *-iser-* / *-fier-* – имя действия с суффиксами *-ering* / *-isering* / *-firing*» (*andrafiera* «очуждать» – *andrafiering* «очуждение»).

Данные модели неограниченно продуктивны только в некоторых подсистемах лексики шведского языка, таких как терминология и общественно-политическая лексика; в других подсистемах они ограниченно продуктивны. Это объясняется тем, что они лишь частично ассимилированы шведским языком, так что образованные по ним слова сохраняют коннотации, свойственные книжной лексике. Кроме того, их продуктивность во многом зависит от притока употребительных лексических заимствований с данными суффиксами.

Эти модели также имеют исторически сложившееся ядро сочетаемости и ее периферию, но в данном случае критерием разделения выступает происхождение производящей основы. Ядро образуют заимствованные основы, а периферию – исконно шведские. Однако в наши дни наблюдается образование таких неологизмов, которые структурно относятся к периферии данных моделей, но выполняют те же функции, что и лексемы, относящиеся к ядру. Подобный процесс свидетельствует о сближении части периферии и ядра и повышении продуктивности моделей.

3. Модели с ограниченной продуктивностью:

- Прагматически маркированные существительные с суффиксом *-is* (*snackis* разг. «актуальная тема для разговоров»);
- Абстрактные существительные с суффиксом *-ism* (*förälderism* ирон. «патернализм»);
- Имена места с суффиксом *-eria* (*mackeria* разг. «бутербродная»).

Все эти модели заимствованы в шведский язык. Модель с суффиксом *-is* ассимилирована языком полностью; остальные модели ассимилированы частично и опираются в основном на лексические заимствования.

Ядро сочетаемости данных моделей выделяется лишь условно – ввиду узости или, напротив, расплывчатости их словообразовательного значения. Новые слова, образованные по моделям такого рода, обычно имеют автора и либо связаны с конкретным фактом жизни общества (например, предвыборной кампанией), либо относятся к модной лексике. Следовательно, выбор словообразовательной модели остается за носителем языка, а не определяется системой. Подобные неологизмы по отдельности относятся к словотворчеству, а не к регулярному словообразованию, и собственно продуктивность моделей достигается лишь количеством такой новой лексики. В системе шведского языка она ограничена двумя факторами, напрямую связанными с происхождением подобных слов: с одной стороны, тем, что их денотат нередко специфичен, а с другой – тем, что они часто маркированы стилистически.

В целом для аффиксального словопроизводства в современном шведском языке характерно связанное с интернационализацией словарного состава языков сложное взаимодействие различных по своему системному статусу единиц и моделей:

- а) Исконно шведских;
- б) Полностью ассимилированных иноязычных;
- в) Частично ассимилированных иноязычных.

Исконные и ассимилированные единицы занимают в словообразовательной системе более важное место, однако не отделены в ней от частично ассимилированных, которые могут приобретать ограниченную или относительно ограниченную продуктивность.

Стилистические особенности речи Густава Васы на Вестеросском риксдаге в 1527 году

Огнева Анна Александровна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия

В 1527 г. король Швеции Густав Васа выступил на заседании риксдага с речью, прямо обвинив церковь в разжигании вражды между народом и королем. Незадолго до этого страну поразил голод, росла уверенность в том, что неурожайные годы были карой за поощрение королем лютеранства. В условиях кризиса король принял решение об изъятии части церковных земель в пользу государства. Однако епископ Линчепингский Ганс Браск заявил, что церковь в Швеции подвластна папе и не имеет желания и права отказаться от законного имущества.

В ответ Густав Васа обратился к присутствующим с краткой, но эмоциональной речью, заявив, что не желает более быть королем Швеции.

Речь Густава Васы в Вестеросе можно охарактеризовать как крайне эмоциональную. Он обличает католических монахов и священников, называя их *«allehanda påvens kreatur»*, и одновременно указывает на позорную подчиненность местных священников Риму. Этой цели служит не только упоминание папы, но и латинизм *«kreatur»*. Слова латинского происхождения в тексте имеют негативное значение.

К оппонентам Густав Васа обращается при помощи местоимений второго лица. Обращение к аудитории придает речи эмоциональную напряженность и усиливает ее воздействие.

В речи Густава Васы ярко проявляется личность говорящего, поэтому местоимения *«jag»* и *«min»* играют большую роль. *«Jag»* – это *«eder konung»*, *«edert huvud»*, но главное – *«en människa och ingen Gud»*. Носитель сакральной власти снижает значимость своего положения, ставит себя в один ряд с подданными.

Использование большого количества отрицательных частиц – отличительная черта стиля Густава Васа. Большое количество отрицаний связано с тем, что речь отчасти носит оправдательный характер.

Густав Васа говорит о том, что он уже сделал для своей страны, и о том, что он может сделать в дальнейшем, употребляя слова с семантикой горя, страдания: *«detta fattiga svenska folk»*, *«de skulle så jämmerligen svälta ihjäl»*. Повышенная концентрация слов, значение которых связано с жалостью, бедностью, должна вызвать сострадание у аудитории. Демонстрируя, как он обеспокоен страданиями своего народа, король указывает на то, что он в большей степени христианин, чем представители церкви.

Обращение к христианской морали является принадлежностью «высокого» стиля, но Густав Васа довольно легко переходит от «возвышенного» пафоса к обличительному, использует иронию: *«Sådan lön <...> kunde jag väl undvara...»*.

В рассуждении о том, кто мог бы занять место короля Швеции, Густав Васа эмоционален и затрагивает табуированный пласт лексики, связанный с адом: *«...den sämste i helvetet skulle inte vilja göra det...»*.

Каждое значимое понятие усиливается благодаря эпитету. Другой способ выделить важное слово – раскрыть его содержание с помощью перечисления или привести ряды синонимов. В тексте присутствуют модальные слова, указывающие на эмоциональное отношение к событию и демонстрирующие логико-смысловую связь. Также установлению связи между предложениями служат следующие слова и конструкции: *«Är det så, haver jag icke lust»*, *«...jag har dock intet annat att vänta...»*, *«Sådan lön och sådan bedrövelse...»*. Дейктическое слово «sådan» отсылает к содержанию предыдущего предложения. Для речи в целом характерно активное использование местоимений и местоименных слов.

В тексте есть слова с абстрактным значением: «ert bästa», «andliga saker» – но преобладают слова с конкретной семантикой, т. к. речь обращена к конкретной проблеме. Тематикой текста объясняется выбор ключевых слов: «konung / huvud», «folket / allmogen», «riket / land».

Наиболее часто употребляются местоимения, противопоставляются «jag» и «I», «ni» или, напротив, демонстрируется, что «jag» и «I» представляют собой неразрывное единство.

На втором месте по частоте употребления находятся глаголы. Большинство из них выражают состояние, а не действие. По мере приближения к концу речи, количество динамических глаголов возрастает, а количество глаголов состояния уменьшается. Большинство употреблено в настоящем времени, что делает речь максимально актуальной.

Часто употребляется сослагательное наклонение (флективные формы, которые звучат эмоционально и употребляются в основном по отношению к самому говорящему, и аналитические, которые более «корректны» и используются, когда речь идет о втором и третьем лицах).

Количество прилагательных в тексте речи сведено к минимуму. Чаще используются качественные прилагательные, которые стоят в атрибутивной позиции и имеют довольно общее значение: *«stor hjärtans sorg»*. К концу речи появляются эмоционально окрашенные определения.

Предложения достаточно длинные, как правило, сложные. Преобладает подчинительная связь, отражающая логику повествования, показывающая взаимосвязь между его частями. Чаще других употребляются придаточные изъяснительные, которые вводятся союзом «att». Придаточные предложения второй ступени употребляются редко, третьей – не употребляются. Короткие простые предложения присутствуют в начале речи и способствуют привлечению внимания аудитории.

В большинстве случаев элемент, занимающий инициальную позицию в предложении достаточно короткий: его длина составляет от 1 до 5 слов. Но на первое

место редко выносится подлежащее, обычно сказуемому предшествует обстоятельство: «*Sá vet rent ut sagt...*». Внимание акцентируется на действии, развивающемся в тексте речи короля.

Речь имеет кольцевую композицию: начальный тезис в развернутом виде повторяется в конце.

Густав Васа использует немного выразительных средств, что объясняется отсутствием долгой риторической традиции и тем, что король стремится создать образ бесхитростного и честного оратора.

Тропы используются редко: можно отметить иронию, метонимию и единственный случай употребления метафоры. Фигуры речи несколько более разнообразны, чем фигуры мысли.

Литература

Johannesson K. Svensk retorik: från medeltiden till våra dagar, 2005.

Взаимодействие общеязыковой и саговой семантики конструкций с модально-проспективным значением

Павленко Анна Алексеевна

Аспирантка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Предикаты с модально-проспективным значением образуют в древнеисландском языке полевую структуру, центр которой формируют конструкции *munu / skulu* + инфинитив / именной член, а периферию – глагольные формы и конструкции с модальной семантикой долженствования (императив, *eiga*, *vera at*, *verða (at)*), возможности (*mega*) или намерения (*vilja*, *ætla*). В саге противопоставление конструкций, относимых к центру и периферии, сохраняется не только на уровне языка, но и на уровне композиции. В лексико-семантическом поле футуральности структурно и семантически более гибкие (и вследствие этого более употребительные) конструкции *munu / skulu* + инфинитив противопоставлены прочим средствам выражения указанных модальностей и формам презенса. В саге это противопоставление приобретает функциональную значимость, причем употребления конструкций, отнесенных нами к центру системы в языке, также не равноценны. Наиболее специфичны для саги случаи употребления конструкций в прямой речи, в поворотные моменты сюжета.

Проблема соотношения языковой и саговой семантики конструкций тесно взаимосвязана с проблемой узкого и широкого контекста. В *узком контексте* – в рамках монолога (реплики) – конструкции *munu / skulu* + инфинитив фиксируют изменение отношений между участниками коммуникации, определяют новые условия их регламентации (*skulu*), отмечают смещение взгляда персонажа из плана настоящего или прошлого в будущее (*munu*). Так, переход от предположительной модальности к модальности долженствования регулярно соответствует переходу от предложения заключить некоторое соглашение к собственно заключению его – в случае, если адресат принимает предложение.

Значения конструкций в узком контексте, однако, не следует смешивать с общеязыковыми, поскольку эти значения подвергаются влиянию *широкого контекста*. Так, несоблюдение условий заключенного соглашения в обиходном языке вполне возможно. Однако в сагах предсказания имеют тенденцию исполняться, а предписания – быть соблюденными, в результате чего над частным, лексическим значением надстраивается второе, обусловленное поэтикой саги значение широкого контекста. Значения второго уровня возникают не во всех случаях употребления рассматриваемых конструкций, но в первую очередь в типических, воспроизводимых ситуациях.

Второй уровень семантики (широкий контекст) обеспечивает устойчивость семантики предикатов на первом уровне (узкий контекст). Приобретая в контексте футуральную отнесенность, конструкции сохраняют свое модальное значение в силу того,

что различные типы модальности предполагают индивидуализированные способы реализации в сюжете саги. Потому приказания, предположения, предписания, предсказания и т. п. в саге ценностно нагружены: они составляют ядро диалога, основное его событие, в них сосредоточен главный интерес участников коммуникации.

Таким образом, движение сюжета посредством рассматриваемых предикатов осуществляется в двух направлениях:

1. Внутри эпизода – устанавливается иерархия действий или событий, ценностная (так, конструкция *skulu* + инфинитив может выделять наиболее важное действие на фоне форм императива) или модальная, не связанная с оценкой важности действия, но разграничивающая вероятность и необходимость совершения действия разными субъектами;

2. Вне эпизода – осуществляется проекция в план будущего: конструкция обозначает событие, которое последует за произнесением реплики, будет ею вызвано как в ближайшем будущем, так и в более широкой перспективе. Способы выражения футуральной отнесенности соотносятся с различными способами представления плана будущего, программируют ход событий, фиксируют момент «перемещение персонажа через границу семантического поля» [Лотман: 282]. Предикаты с модально-перспективной семантикой, таким образом, содержат в себе зародыш события, понимаемого как «некое изменение исходной ситуации: или внешней ситуации в повествуемом мире (естественные, акциональные и интеракциональные события), или внутренней ситуации того или другого персонажа (ментальные события)» [Шмид: 13].

Семантические взаимодействия предикатов центра и периферии регулярно воспроизводятся в типовых ситуациях. Простейший пример – ситуация совета, в которой действия адресата представляются как необходимые и оформляются посредством предикатов с глаголом *skulu*, а действия третьих лиц трактуются как вероятные, возможные, но не обязательные, что выражается предикатами с глаголом *muhi*. В широком контексте и те, и другие действия равно неизбежны: и адресат совета, и третьи лица, за действия которых говорящий поручиться не может, поступают так, как предписывает говорящий.

Конфликтные ситуации в саге также складываются из повторяющихся композиционных элементов, в составе которых модальные глаголы имеют сходные значения. Воспроизводимая ситуация представляет собой устойчивое, повторяющееся из саги в сагу (или на протяжении одной саги) положение дел, которое предполагает однотипное разрешение. Ориентируясь на подобие сюжетных ситуаций, аудитория могла предугадать дальнейшее развитие или исход событий.

Предполагается, что классификация воспроизводимых ситуаций составит корпус канонизованных употреблений «малых», или «простых», речевых жанров в составе «сложного» [Бахтин: 159–161] – саги. Поскольку в воспроизводимых (прототипических) ситуациях указанные смыслы и значения реализуются регулярно, полученные данные можно будет использовать также и для обобщения значений в спорных случаях, в частности, в контекстах, которые в грамматических описаниях и словарях обычно приводят в качестве примера размывания модальной семантики.

Литература

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1996. Т. 5. С. 159–206.

Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998. С. 14–285.

Шмид В. Нарратология. М., 2003.

**Англо-шотландские лексико-семантические соответствия
(общий подход к проблеме)**

Павленко Ольга Александровна

Студентка Таганрогского государственного педагогического института, Таганрог, Россия

Часто возникает вопрос, являются ли близкородственные идиомы самостоятельными языками или же территориальными вариантами одного языка. Для решения этой проблемы принципиальным является выяснение степени сходства или отличия их словарного состава. Яркий пример близкого родства демонстрируют английский язык Англии и региональный язык равнинной Шотландии, часто именуемый в отечественной германистике «шотландским языком» [Ильиш: 261; Бродович: 111].

К материалу шотландского языка обращались многие исследователи, прежде всего диалектологи и социолингвисты. Существует обширная литература, посвященная разным аспектам изучения этого идиома [см., напр., Jones]. Кроме того, шотландский язык отличается от других «малых» языков Европы тем, что его словарный состав подвергся детальному лексикографированию. При этом подробного сопоставительного описания лексического состава английского и шотландского языков до сих пор не проводилось, чем и обусловлена актуальность нашего исследования.

Цель предпринятого нами сопоставительного анализа словарного состава упомянутых близкородственных языков заключается в том, чтобы выяснить соотношение между общими и различительными элементами, выявляемыми на лексико-семантическом уровне, и определить место различительных элементов в сравниваемых системах [Швейцер: 105]. Это позволит сделать определенные выводы о степени сходства данных систем. Предметом предлагаемого доклада является выяснение происхождения английской и шотландской лексики в сопоставительном освещении. В исследовании применяется метод моделирования микро- и макросистем, который позволяет выявить структурные различия между рассматриваемыми языками и определить преобладают ли в них сходные черты или отличительные.

Близкородственные шотландский и английский языки восходят к древнеанглийским диалектам: шотландский – к нортумбрийскому, а английский – преимущественно к диалектам юго-восточной и центральной Англии, на основе которых сложился лондонский говор. Ранний шотландский язык разделял большую часть словарного состава с северным среднеанглийским [Aitken: XV]. Значительная часть шотландской лексики имеет англосаксонское происхождение. Это такие лексемы, как *bannock*, *ben*, *eldritch*, *gloamin*, *haffet*, *haugh*, *heuch*, *lanimer*, *wee* и мн. др.

Судьбы лексических заимствований в шотландском и английском языках во многом отличны. Это относится прежде всего ко многим скандинавизмам, сохранившимся только в шотландском, например, таким как *bairn*, *brae*, *gate (road)*, *graith*, *nieve*, *kirk*, *lass*, *big* и др. Оба языка интенсивно заимствовали и из французского, однако в разные периоды и из разных диалектов. Этим обусловлены существенные различия данного слоя лексики в английском и шотландском. Например, только в шотландском есть лексемы *leal*, *ashet*, *aumry*, *douce*, *haggis*, *gardyloo*, *Hogmanay* и др. Начиная с XII в. шотландский язык заимствовал лексику из гэльского, например: *cairn*, *cranreuch*, *glen*, *loch*, *strath*, *sporrán*, *whisky* и др. Позднее некоторые из этих кельтизмов проникли в английский язык. Результатом интенсивных контактов с Нидерландами стало появления в шотландском языке множества слов голландского происхождения, например: *bucht*, *callan*, *croon*, *cuít*, *mutch*, *golf*, *scone* и др.

Между английским и шотландским языками имеются существенные отличия и в других слоях заимствований, например в лексике латинского происхождения.

Таким образом, уже на начальном этапе исследования можно прийти к выводу о том, что различия между двумя языками на лексико-семантическом уровне обусловлены: 1) несовпадением диалектной основы; 2) различными культурно-историческими и

временными параметрами процесса заимствования (при общих его источниках); 3) несовпадением семантических полей общих лексем.

Литература

- Бродович О.И. Диалектная вариативность английского языка: аспекты теории. Л., 1988.
 Ильин Б.А. История английского языка. М., 1958.
 Швейцер А.Д. Литературный английский язык в США и Англии. М., 1971.
 Aitken A.J. A history of Scots // The Concise Scots Dictionary / Ed. by M. Robinson. Introduction. Edinburgh, 1997. P. IX-XVI.
 Jones Ch. The Edinburgh history of the Scots language. Edinburgh, 1997.

Отражение диссимиляции гласных по подъему в восточносредненемецкой рукописи XIV века

Пиперски Александр Чедович

Студент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Для германских языков характерно взаимовлияние гласных внутри слова. Такое взаимовлияние может быть как прогрессивным, так и регрессивным.

Наиболее типичны для германских языков регрессивные ассимиляции (различные виды перегласовок). Менее распространена зависимость гласных окончания от гласного корня: обычно это ассимиляция по подъему. Такое явление, которое носит название «гармония гласных», наблюдается, например, во многих диалектах древненорвежского языка (в особенности в восточных и в северо-западных), а также в некоторых древнешведских диалектах [Bandle et al. (ред.): 891, 899–900]. Отражение гармонии гласных в скандинавских памятниках почти всегда затемнено другими процессами, а именно балансом гласных (зависимостью гласного от веса корневого слога) и проявляющейся во многих германских языках тенденцией к ослаблению безударных гласных до нейтрального гласного [ə] или даже к их полной редукции.

Факты зависимости безударных гласных от ударных в скандинавских языках изучены достаточно хорошо, однако на материале других германских языков, в частности немецкого, такие наблюдения не делались. Нам удалось обнаружить похожее явление в средневековом немецком тексте, а именно в рукописи «Майнцского земского мира» (Mainzer Landfriede), написанной на восточносредненемецком диалекте и хранящейся в библиотеке г. Вольфенбюттеля (Cod. Guelf. 3.1 Aug 2°, 3-я четверть XIV в., лл. 1v–3v). Сущность этой зависимости оказывается иной, чем в северогерманских языках: это не ассимиляция, а диссимиляция по подъему.

Данная рукопись опубликована в собрании грамот [Wilhelm: 14–17]. Нами было использовано также факсимиле рукописи, доступное в Интернете [WDB], которое позволило выявить в издании несколько опечаток, в том числе значимых для нашего анализа.

В этом памятнике имеется 86 форм инфинитива, которые оканчиваются либо на *-in* (26 раз), либо на *-en* (60 раз), записываемое как *e* с черточкой (Nasalstrich) сверху. Эти окончания распределяются так:

-in: *nider brechin, brengin, buwin, erbin, gebin, vor gebin, geldin, habin, haldin, behaldin, helfin, gehelfin* × 2, *beclagin, lasin* × 2, *gelasin* × 2, *beredin* × 4, *widersagin, vorwerfin, werdin* × 2;

-en: *gebiten, vor gebiten, burnen, buwen, geben, gelden, haben* × 7, *behalden, clagen, koufen* × 2, *kumen, kymen* × 3, *widirkvomen, kundigen, beleiten, bliben, lien, gelien, miden, nemen* × 2, *benennen, richten* × 10, *vorriten, schonen, an scriben, scriben, schriben* × 3, *vnschuldigen, siczen, vor tagen, dartwingen, beviden, zcuvuoren, weren, gewinnen* × 2, *bezugen* × 2, *bezugen*.

(Формы приводятся в том виде, в каком они представлены в рукописи; они даны в алфавитном порядке их нормализованных ср.-в.-нем. соответствий без учета приставок)

Распределение этих окончаний подчинено диссимилятивному принципу: *-in* используется после гласных неверхнего подъема, а *-en* – после гласных верхнего подъема и дифтонгов, второй компонент которых имеет верхний подъем. От этого правила обнаруживается 18 отклонений, из них 17 – в пользу *-en* после гласного неверхнего подъема:

-en: *geben, gelden, haben* × 7, *behalten, clagen, nemen* × 2, *benennen, schonen, vortagen, weren*;

-in: *buwin*.

Отметим, что многие из глаголов, представленных в списке исключений, имеют в тексте и варианты, удовлетворяющие правилу (*vor gebin, gebin, geldin, habin, haldin, behaldin, beclagin, buwen*). Для 4 отклонений можно найти более частную причину – не фонетическую, а графическую: написания *schonen, nemen* × 2, *benennen* могли быть обусловлены тем, что последовательности *nin, min* и *nnin* придали бы облику текста нежелательное однообразие (с учетом особенностей почерка это были бы 5, 6 или 7 вертикальных черточек подряд соответственно). Влияние этого фактора на графику средневековых рукописей хорошо известно (ср. [Смирницкий: 41–43]).

68 случаев из 86 (79 %) – это достаточно убедительная статистика, чтобы считать наличие диссимиляции в тексте доказанным. Это число могло бы показаться недостаточно большим, но следует учесть два соображения: (1) Подобные факты в германских языках вообще отражаются на письме достаточно плохо, о чем свидетельствуют и данные скандинавских языков с их гармонией гласных; (2) Почти все отклонения от правила сделаны в пользу *-en* и поэтому могут считаться либо данью орфографической традиции (*-en* господствует в немецких рукописях того времени), либо свидетельством постепенного совпадения всех безударных гласных в редуцированном [э], что не отменяет существования диссимиляции на этапе, непосредственно предшествовавшем этому совпадению.

Фактически, можно говорить о том, что написания с *-en* не показательны; в этой связи особо выразительно о наличии диссимиляции свидетельствует тот факт, что *-in* 25 раз из 26 (96 %) встречается после гласных неверхнего подъема.

Для других форм кроме инфинитива данное правило в рукописи не действует. К сожалению, мы затрудняемся дать этому историческое объяснение, выходящее за рамки простой констатации факта. Можно лишь провести интересную параллель с тем, что именно в инфинитиве особенно четко проявляется баланс гласных в современных восточнонорвежских диалектах (так называемый «расщепленный инфинитив»).

Литература

Смирницкий А.И. Лекции по истории английского языка. М., 2006.

Bandle O. et al. (ред.). The Nordic Languages. An International Handbook of the History of the North Germanic Languages. Vol. 1. Berlin; New York, 2002.

Wilhelm F. Corpus der altdeutschen Originalurkunden bis zum Jahr 1300. Lahr, 1932.

WDB – Wolfenbütteler Digitale Bibliothek: Cod. Guelf. 3.1 Aug 2: <http://diglib.hab.de/mss/3-1-aug-2f/start.htm>

Стилистические особенности публицистического стиля речи шведского языка на примере репортажа

Попова Ирина Сергеевна

Студентка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, Москва,
Россия

Разные теоретики журналистики относят репортаж к разным жанрам. Своеобразие публикаций, относящихся к жанру репортажа, возникает в результате разных методов наблюдения и фиксации в тексте событий и результатов. Личность автора играет определяющую роль.

Задача автора определяет особенности его произведения. Однако репортаж имеет ряд универсальных признаков.

Репортаж описывает событие и не может быть записан со слов очевидцев. Автор организует сбор материала таким образом, чтобы иметь возможность лично наблюдать его.

Репортажу свойственно специфическое воспроизведение времени и пространства. Время в репортаже дискретно, условно, всегда движется в сторону от начала описания события к его завершению.

Репортажи строятся по определенной схеме: яркий жизненный эпизод, далее следует репортажное описание, в котором важны удачно подобранные детали, подробности, создающие эффект объективности.

В данной работе рассматриваются два текста разной направленности и выводятся их общие и специфические черты.

1. «Вокруг Стокгольма за три дня со шведским школьным сообществом из Штутгарта».

Цель авторов – подробно рассказать о «парадном» Стокгольме. Тема репортажа, авторский коллектив и форма существования текста повлияли на стиль текста. Внимание привлекает название, ассоциирующееся с названием книги Ж.Верна «Вокруг света за 80 дней». Из названия становится понятно, что авторы - школьники из Штутгарта. Любопытно узнать, какое впечатление произвел город именно на детей и как житель Штутгарта воспринимает Стокгольм.

Среди слов общеупотребительной лексики выделяется лексико-семантическая группа «Путешествия. Транспорт». Редкие и устаревшие слова употребляются только в случае описания реалий.

Школьники комментируют и оценивают свое эмоциональное состояние. Однообразие качественных наречий и усилительных слов объясняется тем, что дети изучают шведский язык, а не являются его носителями. Они не «производят», а воспроизводят готовые словосочетания. В их речи естественно употребление клишированных фраз и выражений.

Обращает на себя внимание большое количество заимствований из английского языка. Английская лексика употребляется в ситуациях, связанных с полетом. Англицизмы делают текст более интернациональным, хотя возможно, это влияние СМИ.

Текст репортажа номинативно ориентирован. Для текста важно наличие деталей, подробностей. Особую роль играют местоимения. Наиболее часто используются форма 1 лица множественного числа. Говоря «vi», авторы противопоставляют себя читателям и подчеркивают свое единство как группы.

Предложения короткие, большинство из них – повествовательные. Отличительные черты текста – малое количество простых предложений и сочетание разных видов сложных предложений.

События расположены в хронологической последовательности. Части текста связаны между собой указаниями на время, что позволяет читателю легко ориентироваться в тексте. Инференции простые, но авторы рассчитывают, что читатели знакомы со шведской историей и культурой.

2. Репортаж «Праздник мучений в Сингапуре».

Репортаж посвящен национальному празднику тамилы, живущих в Сингапуре. Тамилы протыкают себя металлическими предметами, на которые навешивают фрукты, надевают на себя специальные одежды и в таком виде идут к храмам главного бога. Цель автора – рассказать о странном празднике и отметить, что самоистязания могут быть частью культуры благоустроенного общества, внешне ничем не отличающегося от европейского. Автор служит посредником между читателем и тамилами. Часто за счет контраста и иронии автор формирует у читателя неприятное впечатление.

Автор использует редкие сочетания слов, чтобы точнее описать происходящее. Задача – показать иную, отличную от европейской, культуру.

Один из приемов, используемых для создания наглядности, - детальность. Детальность проявляется по-разному. Много подробных описаний. Указывается, какие именно были спицы, куда их продевали, рядом с текстом помещены фотографии людей. Детальность проявляется и в использовании автором уточнений. Он уверен в достоверности излагаемой информации и избегает оговорок и модальных конструкций. В тексте много композитов, обладающих ёмкой семантикой и позволяющих быстрее и точнее описать факты.

Автор не боится слов, содержащих резкую оценку. Он прямо называет обычаи варварскими.

Текст репортажа номинативно ориентирован. Автор описывает статичную ситуацию и пытается не упустить ни одной детали. Он как бы «погружает» читателя в ситуацию.

Использование настоящего времени глаголов приближает читателя к происходящему, он становится очевидцем событий.

Говоря о тамилах, автор последовательно употребляет местоимение «они». Единственное употребление местоимения «мы» - момент обращения к читателю. Это способствует созданию близости между читателем и автором и противопоставлению европейцев и азиатов.

Предложения длинные по двум причинам: из-за несовпадения синтаксических и графических предложений и из-за большого количества придаточных предложений и разного рода уточнений. Особенность репортажа – длинные инициальные компоненты. Это объясняется созданием образной картины происходящего.

Тексты имеют ряд общих признаков: предельная документальность, наглядность, образная аналитичность. Любое суждение подтверждалось фактами, сопровождалось уточнениями, оговаривались время и место события, рядом помещались фотографии. Отвечая на вопрос, как происходило событие, авторы выступали как исследователи, но при этом оставались активными комментаторами. Авторское отношение как к читателю, так и к излагаемому материалу определяет специфические черты текстов. Первый текст - пример стандартного школьного сочинения, второй – результат работы профессионального репортера.

Литература.

Гуревич С.М. Газета: вчера, сегодня, завтра. М., 2004.

Кройчик Л.Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста / Под ред. С. Г. Корконосенко. СПб., 2000.

Стилистические черты жанра интервью в шведской газетной публицистике (на примере отдельной статьи)

Степченкова Валентина Максимовна

Студентка Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, Москва,
Россия

Настоящая работа посвящена исследованию стилистических особенностей жанра интервью в шведской газетной публицистике на примере отдельной статьи из ведущей шведской газеты «Dagens Nyheter». В качестве инструментария мы использовали стилистические особенности, характерные для русскоязычной публицистики. Разумеется, не все стилистические характеристики совпадают, но, тем не менее, опираясь на теоретический материал, представленный в русских научных работах, можно выявить основные черты жанра интервью в шведской газетной публицистике.

«Dagens Nyheter» (название можно перевести как «Новости дня») – одна из старейших и самых популярных шведских газет, выходящая ежедневно с декабря 1864 года. Число постоянных читателей газеты составляет больше полумиллиона. В

еженедельной рубрике «Boklördag» («Книжная суббота») 2 февраля 2008г. появилось интервью журналистки Анники Персон с шотландской писательницей по имени Денис Мина. Стилистические характеристики этой статьи и анализируются в настоящей работе.

Жанр интервью традиционно считается легким для восприятия, в том числе и за счет графического выделения каждой реплики. Однако анализируемое нами интервью оформлено нетрадиционно: отличительной его чертой является графическое отсутствие вопросов (единственный появляется в самом конце статьи). Ответы и реплики героини все же помещены в качестве прямой речи – привычным для интервью образом. Чтобы облегчить восприятие текста, автор разбила достаточно объемную статью на части – зарисовки – между ними есть увеличенный интервал, и каждая новая часть начинается с шрифтового выделения. Подобное деление является тематическим, что способствует созданию определенной композиции. Именно графическое оформление статьи и ее композиционная структура относят данный текст к одному из видов интервью – интервью-зарисовке.

Интервью-зарисовка может иметь один или два смысловых центра. В первом случае, основной задачей статьи является раскрытие характера собеседника. Во втором – журналиста, помимо личности интервьюируемого, интересует и определенная проблема (например, дело, которым занимается герой статьи). Собственно эта проблема и становится основной темой беседы. Анализируемая нами статья относится скорее к первому типу интервью, так как главным смысловым центром является раскрытие характера героини статьи.

Интервью-зарисовки характеризуются наличием авторского начала. Авторская позиция чаще всего ярко представлена в тексте. Однако это зависит от цели статьи: экспрессивной или информативной. Задача анализируемого интервью скорее экспрессивная: главное здесь не переданная информация, а воздействие, которое она оказывает на читателя (важно, однако, отметить, что в статье нет императива). Поэтому данный текст тяготеет к художественному стилю в «зарисовках». И именно поэтому автор пытается «уйти в тень», направить все читательское внимание на Денис Мину и окружающее ее пространство.

Для интервью-зарисовки характерно употребление а) специальных публицизмов – то есть слов, входящих в публицистическую фразеологию (например, в анализируемой статье появляется интернациональный газетизм с четкой отрицательной коннотацией – *spekulera* («спекулировать»); б) слов, имеющих эмоциональную окраску (например, словообразования с префиксом *jätte-*); в) заимствований из иностранных языков (чаще всего из английского: *boom, kul*); г) жаргонизмов (*kufig, gubbar*).

В целом, для жанра интервью типичны черты разговорного стиля. Эффект живой беседы достигается при помощи использования указательных местоимений, отсылающих к предыдущей реплике, большого числа междометий и звукоподражательных слов (*oj, ha ha*), слов-сорняков. На синтаксическом уровне при помощи употребления утвердительных и отрицательных коммуникативно нечленимых предложений, выраженных модальными частицами и словами; неполных предложений, предложений с бессоюзной связью, вводных слов (*så*). Кроме того, характерно и использование большого числа предложений с формальным подлежащим *det* (столь частых в шведской устной речи). Другой синтаксической особенностью публицистического стиля является использование инверсионных конструкций, часто в эмфатической функции. Длина предложений может быть различной. В данном тексте в репликах Денис Мины основной тип предложений – это простые двусоставные. Иногда при оформлении реплик героини автор использует прием парцелляции. В авторских же вставках в основном используются сложноподчиненные конструкции с большим количеством разноуровневых придаточных предложений.

Особенность этой статьи состоит в том, что знаменитость показана в обычной обстановке, в «реальной жизни». Главный прием, использованный в данной статье, -

чередование реплик героини в разговорном стиле с авторскими вставками в стиле художественном.

На основании проведенного анализа можно сделать следующие выводы. Шведский вариант жанра интервью-зарисовки является достаточно свободным. При создании интервью такого типа журналисты используют различные стилистические приемы. Автор анализируемой статьи чередовал в тексте отрывки, написанные в разговорном и художественном стиле. Интервью этого типа, как правило, отдалены от публицистического стиля: они либо являются художественными историями, либо представляют «зарисовки» разговоров. Однако, несмотря, например, на свободное композиционное оформление, в данном тексте присутствуют основные особенности публицистического стиля, которые и были проанализированы в настоящей работе, на всех уровнях языка.

Кельтский материал в лэ о Жимолости Марии Французской

Сычева Наталья Михайловна

Студентка Московского педагогического государственного университета, Москва, Россия

В данной работе предлагается анализ лэ Марии Французской «Жимолость». О чем это лэ? О Тристане и королеве, об их любви, что была так совершенна: *De Tristram e de la reïne, // De lur amur que tant fu fine...* Мария, характеризуя любовь Тристана и Изольды, единственный раз употребляет сочетание *fine amur (fin'amors* на языке трубадуров, старопровансальском), используя, таким образом, одно из ключевых понятий средневековой куртуазной литературы. Поэтесса, как видим, приравнивает любовь Тристана к утонченной любви рыцаря-трубадура к своей Даме. Таким образом, лэ Марии созвучно с «куртуазной» версией романа о Тристане Тома.

Итак, Тристан «Жимолости» - настоящий куртуазный влюбленный, уже почти забывший свое кельтское «прошлое». Он «несчастен и задумчив» (*dolent e pensis*), так как томится в разлуке со своей любимой - королевой Изольдой. Вспомним, что любовь, воспеваемая провансальскими трубадурами и французскими труверами, это также всегда любовь-адультер, которая не возможна между супругами, но возникает между замужней дамой и воспевающим ее рыцарем-трубадуром. Об этом же пишет и современник Марии, Андрей Капеллан в своем трактате «О любви»: «...*liquide constet inter virum et uxorem amorem sibi locum vindicare non posse*». Как и трубадур, Тристан испытывает любовную муку, он даже близок к смерти и «не владеет собой» (*il nen ad ses volentez*). Кульминация лэ – встреча влюбленных, которая принесла им «очень большую радость». Как «радость» (Joy) трубадуров, так и «радость» (Joie) Марии, не имеет ни мистической, ни метафизической ценности, которую ей приписывали некоторые медиевисты [Lazar: 117]. Далее Мария сообщает, что воспоминания о встрече с королевой побудили Тристана создать лэ. Трубадуры также очень часто сочиняют песнь, вспоминая о сладостной встрече со своей любимой, так что и этот мотив, возможно, пришел в лэ Марии из провансальской лирики.

Таким образом, характер героев и их отношений в лэ «Жимолость» созвучны любовной концепции трубадуров, *fin'amors*.

Но есть ли в данном лэ хотя бы отголоски кельтского происхождения истории двух влюбленных? Обратимся к строкам 51-82, в которых описано, как была подготовлена встреча Тристана и Изольды. Сначала Мария говорит нам, что Тристан срубил ветвь ореха и вырезал на ней ножом лишь свое имя. Однако ниже поэтесса сообщает о том, что Изольда прочитала на палке всю историю бедствий Тристана. Такое заявление Марии вызывает вопросы у целого ряда исследователей. Как, например, мог Тристан вырезать на палочке 16 строк, как Изольда смогла прочитать их, сидя верхом на лошади, почему Тристан не побоялся оставить на проезжей дороге столь откровенное послание своей возлюбленной... На протяжении долгого времени ученые выдвигали различные гипотезы, касающиеся текста послания Тристана и способа его передачи. Мы, вслед за некоторыми

исследователями, склонны видеть в послании Тристана огамическую надпись. Как свидетельствует Вандри, «огам на протяжении всего Средневековья оставался хорошо известным эрудитам. Многие рукописи содержат огамический алфавит» [Cagnon: 244]. Отметим, что в лэ «Жимолость» Тристан сначала обстругал ветвь орешника «с четырех сторон». Палка, таким образом, приняла форму прямоугольника с четырьмя ребрами, на которых Тристан легко мог сделать насечки. Как германское руническое письмо, так и кельтское огамическое изначально использовались только в магических целях: руны и огам служили для заклятий, колдовства, белой и черной магии, предупреждения несчастья. Однако мы предположили, что в «Жимолости» Тристан пишет древним письмом любовное послание. Знает ли средневековая литература подобные прецеденты? Обратимся к текстам. В одной из песен «Старшей Эдды» («Гренландские речи Атли»), Гудрун рунами написала письмо своим братьям, желая предупредить их об опасности. А в «Саге о Гисли» Гисли, подобно Тристану, режет на палочке руны, чтобы вызвать на свидание своего брата. Руническое послание на дереве упоминается и в «Саге о Гамлете» из «Деяний датчан» Саксона Грамматика. Аналогичные эпизоды есть и в ирландских сагах, несколько примеров которых приводятся в статье Кэгнона. Мы же вспомним «Повесть о Байле доброй славы», которая интересна не только упоминанием сделанных из деревьев табличек, на которых старинным алфавитом (огамом) была вырезана история трагической любви Байле и Айлен, но и одним сравнением: «И тогда одна (табличка, - Н.С.) сама прыгнула к другой, и они соединились так, как жимолость обвивается вокруг ветви; и невозможно было разъединить их». Пьер ле Жанти писал, что «оригинальный мотив жимолости, соединенной с орешником, не обнаруживается в кельтской традиции, он полностью определен вкусами французов» [Cagnon: 245]. Далее исследователь предположил, что этот мотив впервые возникает в лэ «Жимолость». Однако «Повесть о Байле доброй славы» убеждает нас в обратном и указывает на кельтское происхождение этого мотива. Писались ли подобные письма на территории Англии? Мы можем положительно ответить и на этот вопрос, вспомнив «Послание мужа», древне-английскую элегию. Это уникальное произведение, в котором лирический голос принадлежит дощечке с руническими знаками, адресованной женщине, находящейся в разлуке с мужем, с просьбой о встрече. Здесь перед нами такое же, как и в «Жимолости» послание, записанное древним письмом, с просьбой о встрече, которая принесет влюбленным радость.

Таким образом, «куртуазное» лэ о Жимолости еще не порывает связи со своими истоками, напоминая об огамическом письме и традиционном кельтском мотиве жимолости, неразрывно соединяющих двух влюбленных.

Литература

Cagnon M. Chievrefeuil and the ogamic tradition. Romania, 91, 1970.

Lazar M. Amour courtois et fin' Amors dans la littérature du XII siècle. Paris, 1964.